
Я. С. СМЕРНОВА

О НЕКОТОРЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ПЕРЕЖИТКАХ У ПРИЧЕРНОМОРСКИХ АДЫГЕЙЦЕВ

В 1939 г. у адыгейцев Лазаревского и Туапсинского районов (б. Шапсугского национального района) Краснодарского края побывала Шапсугская экспедиция Центрального антирелигиозного музея и Московского Государственного университета, изучавшая сохранившиеся здесь религиозные пережитки. Материалы экспедиции показали, что в результате успехов социалистического строительства в адыгейском колхозном селении уже в то время далеко зашел процесс изживания религиозных пережитков. Это особенно сказалось в области исламского культа. Ислам, распространившийся среди причерноморских адыгейцев-шапсугов значительно позже, чем среди других адыгейских племен, не пустил глубоких корней в быту и сознании народа. Когда в 1928—1930 гг. многие муллы скомпрометировали себя антисоветской пропагандой, мечети опустели и вскоре по желанию населения были отведены под колхозные склады. Уже в начале 1930-х гг. перестал соблюдаться обычай обрезания, а затем та же судьба постигла намаз и уразу, верность которым сохранило лишь старшее поколение колхозников. Забылся запрет изображать людей и животных. Едва ли не единственной державшейся в народе исламской нормой был вошедший в привычку запрет употреблять в пищу свинину. Более живучими оказались те элементы ислама, которые переплелись с доисламскими верованиями (например, пользование оберегами — «дуаха» («дыхъэ») с зашитыми в них текстами из корана), а равным образом и сами эти верования. Хотя к 1930-м гг. адыгейцы уже утратили сколько-нибудь четкое представление о мифологической стороне своих древнейших верований обрядовая сторона последних сохранилась. В частности, довольно широко продолжали практиковаться обряды хозяйственной и лечебной магии. Однако и доисламские культы постепенно ослабевали; к концу 1930-х гг. большинство магических церемоний утратило свою былую массовость¹.

Как далеко продвинулся процесс преодоления религиозных пережитков у причерноморских адыгейцев за два с лишним десятилетия, прошедших со времени работы экспедиции 1939 г.? Получение ответа на этот вопрос было одной из целей поездки в Лазаревский и Туапсинский районы, предпринятой мной по командировке Института этнографии АН СССР летом 1961 г.².

¹ См. С. А. Токарев, Религиозные пережитки среди черкесов-шапсугов и их преодоление, «Религиозные пережитки у черкесов-шапсугов. Материалы Шапсугской экспедиции 1939 года», под ред. С. А. Токарева и Е. М. Шиллинга, «Сборник научных студенческих работ», вып. 17, Этнография, М., 1940, стр. 8—9.

² Работа велась в селениях Куйбышевка, Большое Псеушко (Туапсинский р-н), 1, 2 и 3-е Красноалександровское (ныне сливающиеся), Большой и Малый Кичмай и поселке Головинка (Лазаревский р-н). Кроме того, опрошено несколько информаторов из селений Киров и Наджиги (Лазаревский р-н).

Мы знаем, что тяжелые испытания в годы Великой Отечественной войны вызвали известное оживление религиозных настроений. В некоторых селениях (Наджиги, Головинка и др.) нашлись знавшие арабскую грамоту и коран старики, которые объявили себя «как бы муллами» и стали привлекать к себе отсталую часть женщин чтением молитв за их ушедших на фронт сыновей и мужей. Некоторые люди среднего возраста начали вновь соблюдать пост уразу и совершать намаз. Опять пошли в ход дуаха, привозившиеся с Кубани или же изготовлявшиеся на месте, обычно также выходцами с Кубани. Много дуаха изготовил, например, поселившийся в сел. Наджиги ныне покойный Ш. Хачмизов, снабжавший ими жителей окрестных селений. В Большом Кичмае и Головинке во второй половине 1940-х гг. не менее половины детей дошкольного возраста и даже некоторые первоклассники по настоянию престарелых дедов и бабок носили на шее дуаха³.

Оживление исламских верований вызвало тревогу передовой адыгейской общественности, развившей активную деятельность по преодолению религиозного мировоззрения. Эта деятельность усилилась после принятого в 1954 г. постановления Центрального Комитета КПСС по вопросам религии и атеизма, реализуя которое партийные, общественные и советские организации Туапсинского и Лазаревского районов развернули широкую научно-атеистическую пропаганду, направленную против возрождения пережитков ислама. Районная печать, радиовещание, лекторские группы проделали значительную работу по разъяснению реакционной сущности ислама, вреде его догматов и обрядов. Сельскими пропагандистами, главным образом учителями, было проведено большое число докладов и бесед, подготовка которых была облегчена выпущенными Адыгейским книжным издательством лекциями об исламе и другими научно-популярными пособиями.

Результаты этой работы не замедлили сказаться. Можно с уверенностью утверждать, что во всех посещенных мною селениях в 1950-х гг. был полностью преодолен рецидив исламской религиозности и сейчас эта последняя ощущается еще меньше, чем во время работы экспедиции 1939 г. «У нас теперь, — рассказывал житель сел. 2-е Красноалександровское О. А. Хахо, — молятся только самые старые старики и старухи, да и то не все, а лишь наиболее «заядлые». Держат уразу и празднуют курбан-байрам чаще, но тоже старики, редко кто-нибудь из людей средних лет. Некоторые из них как бы стыдятся этого, ищут себе оправдания. Вот, например, моя тетка: по ее собственным словам она соблюдает уразу и намаз не потому, что верит в бога, а потому, что не хочет обидеть выучивших ее этим обычаям покойных родителей»⁴. «Умрем мы, старики, и памяти не останется, как надо почитать аллаха и его пророка», — жаловалась 57-летняя жительница Головинки К. Д. Дагуф⁵. Аналогичные сообщения и высказывания записаны в селениях Куйбышевка, Большое Псеушко, Большой Кичмай⁶.

Заметным образом пошатнулся запрет употреблять в пищу свинину, от которого в последние годы отказались почти вся молодежь и многие люди среднего возраста. Свиней, правда, никто еще не разводит, но охотно едят мясо убитых на охоте диких кабанов — и не втихомолку, а приглашая в гости родственников и соседей. Интересно, что многие из тех, кто еще придерживается исламских пищевых запретов,

³ Полевые записи автора, Архив Института этнографии АН СССР, ф. КЭ, ед. хр. 35 (далее АИЭ), лл. 4, 5, 7, 13, 18, 22.

⁴ Там же, л. 29.

⁵ Там же, л. 17-а.

⁶ Там же, л. 7, 8.

по-видимому, опасаются не столько «божьей кары», сколько осуждения со стороны отсталой части односельчан. Такие лица легко идут на нарушение традиции в завуалированной форме. Свинину и по виду и вкусу легко отличить от баранины; тем не менее в сел. 2-е Красноалександровское известны случаи, когда даже старики ели «покупавшуюся за баранью» свиную колбасу⁷.

Резко сократилось в последние годы пользование оберегами — дуаха. За все время поездки мне привелось увидеть в сел. Куйбышевка четырех детей с дуаха, в Большом Псеушхо — трех, в Большом Кичмае — двух, во 2-м Красноалександровском — пятерых (в том числе трех из одной семьи). По наблюдениям патронажной сестры Красноалександровской сельской больницы М. А. Чачух, дуаха сейчас встречаются приблизительно у 5—10% детей, обычно до 5—6-летнего возраста и всегда из тех семей, в состав которых входят престарелые родственники⁸. Впрочем, эти подсчеты не очень надежны, так как дуаха часто надевают детям лишь во время болезни⁹. Иногда дуаха носят и старики, но скрывая их под платьем, например, под рукавом. Распространенное в прошлом применение дуаха для «лечения» пораженных болезнями растений¹⁰ в настоящее время полностью изжито.

Вряд ли нужно говорить о том, что борьба за преодоление пережитков ислама должна быть усилена и расширена. В частности, необходимо усилить работу среди лиц старшего поколения, часть которых не только продолжает сама придерживаться исламских верований и обрядов, но и оказывает известное воздействие на поведение своих младших родственников (запреты в отношении свиного мяса, ношение дуаха). Но в целом нельзя не видеть, что борьба с этого рода религиозными пережитками у причерноморских адыгейцев принесла богатые плоды.

Несколько иначе, к сожалению, обстоит дело с пережитками доисламских культов. Сильнее, нежели распространившийся здесь ислам, укоренившиеся среди причерноморских адыгейцев и, подобно другим религиозным представлениям, несколько оживившиеся среди некоторой части верующих в годы Великой Отечественной войны, многие древние адыгейские верования донныне не умерли в сознании некоторой части сельского населения. Это в особенности относится к пережиткам хозяйственной и лечебной магии, отмеченным экспедицией 1939 г. Правда, с тех пор одни магические церемонии исчезли, другие упростились, но в данном случае существенно то, что вера в действенность древних обрядов все еще находит место в умах не только дряхлых стариков, но и некоторых лиц среднего возраста, а подчас даже и отдельных молодых людей.

Остановимся прежде всего на обрядах вызывания дождя. В прошлом их насчитывалось до десятка¹¹, теперь сохранились три: «ханцегуаш» (хьанцэгуаш), моление у «священного дерева» и моление у «каменной могилы». Ханцегуаш, («госпожа лопата») — большая, в рост человека кукла, сделанная из деревянной лопаты с перекладиной

⁷ Там же, л. 29.

⁸ Там же, лл. 13, 22.

⁹ Там же, л. 38.

¹⁰ С. Раскина, *Формы и виды магии в черкесской религии*, «Религиозные пережитки у черкесов-шапсугов...», стр. 77.

¹¹ См. Е. М. Шиллинг, *Черкесы*, Сб. «Религиозные верования у народов СССР», т. II. М.—Л., 1931, стр. 48—49; И. Гурвич, *Религия сельской общины у черкесов-шапсугов*, «Религиозные пережитки у черкесов-шапсугов...», стр. 38—41; С. Раскина, *Указ. раб.*, стр. 78—80; Л. И. Лавров, *Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев*, Сб. «Исследования по вопросам первобытных верований», Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. сер., т. LI, М., 1959, стр. 202, 218.

вместо рук и наряженная в женское платье. Делают ее верующие женщины, они же в сопровождении детей носят ее по дворам, поливая водой. При этом поют: «Несем ханцегуаш, просим дождя». Затем процессия направляется к реке, где ханцегуаш купают и кладут под камни, а всех присутствующих и проходящих мимо обрызгивают или бросают в воду. По полученным сведениям, в последний раз этот обряд совершался во время большой засухи 1957 г. в сел. 1-е Красноалександровское¹². Более часты моления о дожде у «каменных могил» и особенно у «священных деревьев». Обе эти церемонии генетически связаны с почитанием древнеадыгского божества грома и молнии Шибле¹³. Дерево, в которое ударила молния (чаще всего дуб, иногда также орех, белолестка, груша, а в Головинке издавна почитавшееся убухами знаменитое тюльпановое дерево), считалось священным («тхэчэгъ» — «под богом»), убитый молнией человек — избранником божества и лучшим посредником между ним и людьми. Убитого молнией хоронили на том самом месте, где его застала смерть, и не в земле, а на невысоком помосте с двускатным покрытием, сверху заваливаемом камнями, — отсюда и название «каменная могила» («мыжьокъ»). Тхэчэги имеются во многих селениях: в Куйбышевке и Большом Псеушо это дуб, в Большом Кичмае — белолестка и орех, в Малом Кичмае — дуб и т. д.; почитание их верующими доходит до того, что с этих деревьев не срезают даже сухих ветвей, не подбирают и ветвей, упавших с дерева. Мыжуакхов также несколько (у селений Куйбышевка, Красноалександровское, Киров); из них наиболее известна могила близ сел. Киров, где по преданию похоронен подросток — пастух Шаумей¹⁴.

В прошлом для моления о дожде у мыжуакха собирались все мужчины, а у тхэчэга — все жители селения или даже нескольких окрестных селений; обязательными элементами церемонии были священный танец «Шибле-уджи» и приношение в жертву скота¹⁵. Сейчас моление у мыжуакха устраивается лишь небольшой группой главным образом пожилых людей, преимущественно женщин, под руководством кого-нибудь из потомков (однофамильцев) покойного — молеельщицы — «тэтлэу» («тхээлъэу»). Участники моления купаются, варят сами и собирают у соседей «харып» («хьарып») — ритуальные колобки и «мытыз» — харып с сыром и затемно отправляются к могиле. Здесь становятся на колени, и молеельщица просит умершего родича посодествовать в ниспослании дождя. Затем с могилы берут один из камней, привязывают к нему веревку или проволоку и опускают в реку. Участники моления возвращаются в селение и, разломав харып и мытыз на кусочки, стараются раздать их как можно большему числу людей, тем самым как бы приобщая их к магической церемонии. Камень лежит в реке пока не пойдет дождь, после чего его вынимают из воды и кладут на могилу. Моление у тхэчэга также устраивается большей частью «инициативной группой» пожилых женщин, которые и в этом случае стремятся заочно приобщить к нему односельчан, обходя дома и собирая харып, мытыз, печенье, конфеты. Все это несут к тхэчэгу, где становятся на колени и молеельщица просит о ниспослании дождя. Применявшееся в прошлом опускание в реку куска коры тхэчэга (ана-

¹² АИЭ, л. 21, 23, 30.

¹³ Подробно об этом см. Л. И. Лавров, Указ. раб., стр. 216, сл.; М. Рижский, О культе Шибле у шапсугов, «Религиозные пережитки у черкесов-шапсугов...», стр. 47, сл.

¹⁴ АИЭ, лл. 1, 7, 16, 17, 24; Л. И. Лавров, Указ. раб., стр. 196—203.

¹⁵ Л. Люлье, Верования, религиозные обряды и предрассудки у черкес, «Записки Кавказского отдела Русского Географического общества», 1862, кн. 5, стр. 129; Е. М. Шиллинг, Указ. раб., стр. 47.

логичное опусканию в реку намогильного камня) теперь, по-видимому, не практикуется. В заключение участники моления одевают лакомствами собравшихся здесь детей, а харып и мытыз несут обратно, чтобы раздать их кусочки в селении¹⁶.

Все эти обряды описаны здесь в общих чертах, так как во многих селениях они имеют свои локальные особенности. Бывает, что отдельные обряды соединяются. В сел. 1-е Красноалександровское, неподалеку от которого, на перевале Кушха, имеется почитаемое как след от удара молнии озеро Хыко, различные приемы вызывания дождя иногда дополняются еще одним: кто-нибудь из мужчин, в роду которого был убитый молнией, берет бутылку воды из Хыко и выливает ее в реку или в море¹⁷. Иногда за молением у тхэчэга непосредственно следует обряд ханцегуаш, но без самой ханцегуаш, а лишь с поливанием друг друга водой у реки или у моря¹⁸. Однако в том или ином виде названные обряды совершались верующими в посещенных мною селениях все последние годы. Так, в сел. 1-е Красноалександровское они выполнялись в 1959 и 1960 гг., в Большом Кичмае — в 1960 г., в Головинке — в 1960 и 1961 гг. и т. д.¹⁹.

Из других приемов хозяйственной и бытовой магии иногда встречается обычай вешать на оградах огородов, садов, скотных дворов конские, реже коровьи или овечьи, черепа, по поверью, отводящие порчу. Можно встретить и пережитки зарок, соблюдаемых отдельными лицами, семьями или целыми группами однофамильцев во исполнение обетов по случаю какого-нибудь несчастья. Зароки бывают временными и бессрочными, связанными с определенными предметами и днями недели. Одни из них запрещают выносить что-либо из дома в известные дни недели, навсегда или только на протяжении года, другие — определенное время никому не давать яиц, третьи — никогда не делиться ульями или не есть бараньей лопатки и т. д. Сейчас зарок, придерживаются очень немногие, но обычай этот все же полностью не изжит. Так, в Большом Кичмае и в Куйбышевке соблюдают запретные дни некоторые представители старшего поколения²⁰.

В практике лечебной магии полностью отмерли такие коллективные обряды, как борьба с заболеваниями посредством проволакивания вокруг селения надочажной цепи или поголовного «даехлепсечэга» — пролезания под корнем орехового дерева²¹. Но остатки индивидуального магического «лечения» все еще существуют. Бывает, что больной одновременно с обращением к врачу или если лечение не помогает сразу, прибегает к помощи «каменной могилы». Для этого, как и при молении о ниспослании дождя, сюда направляются с родственником погребенного, который просит последнего об исцелении. Применяется, в частности, в сел. Куйбышевка и другой прием — оставление на «каменной могиле» лоскута от одежды больного. Не проходит года, чтобы кто-нибудь из верующих не устроил даехлепсечэг, теперь применяемый преимущественно при различных заболеваниях детей, особенно при коклюше. Иногда, как, например, в сел. 1-е Красноалександровское в 1958 и 1961 гг., этому обряду подвергалась сразу группа детей. «Лече-

¹⁶ АИЭ, лл. 16, 18, 23.

¹⁷ Там же, лл. 23, 28; Л. И. Лавров, Ука. раб., стр. 218.

¹⁸ АИЭ, лл. 18, 26.

¹⁹ Там же, лл. 9, 18, 26, 27.

²⁰ Там же, лл. 3, 11, 15.

²¹ См. Н. Жардецкая, Народная медицина и лечебная магия у черкесов, «Религиозные пережитки у черкесов-шапсугов...» стр. 64; С. Раскина, Указ. раб., стр. 74.

ние» устраивалось по средам утром, три недели подряд, каждый год у нового дерева, под руководством «чистой» (т. е. не имеющей менструаций) пожилой женщины. Из других магических способов в некоторых селениях отдельные верующие иногда еще практикуют обряды окуривания ребенка от «сглаза» дымом «мертвой травы» («хьадэуцы») и «свода» болезни на курицу, которой трижды обводят вокруг головы больного. Напротив, знаменитый «чапш» — «лечение» получившего телесные повреждения человека шумным сборищем его односельчан, круглые сутки отгонявших нечистую силу ударами по железу, песнями и танцами²², — в настоящее время, по-видимому, почти утратил элементы магии, превратившись в обычное, хотя и по-прежнему многолюдное, дневное собрание у постели больного²³.

Шире, чем чисто магические, удержались различные полумагические способы лечения. В ряде селений имеются свои «подпольные» знахари и знахарки («Iазэ»), сочетающие рациональные приемы народной медицины (главным образом применение трав) со всякого рода магическими действиями. Так, в частности, свои травы они собирают только по средам, на рассвете, предварительно выкупавшись и сменив белье; накануне воздерживаются от полового общения; кроме того, женщина должна быть «чистой». Вырвав траву, каждый раз на землю сыпят немного соли. Пациентов пользуют обычно также только по средам, в течение трех недель подряд, сопровождая лечение заговорами и молитвами. Знание молитв передается по наследству и держится в тайне, так как считается, что в противном случае лечение утратит силу²⁴.

Оставляя в стороне ряд других еще не изжитых поверий (вера в «легкую руку», «дурной глаз», различные виды гаданий и др.), остановлюсь на вопросе о хранителях пережитков доисламских верований и обрядов. Если в прошлом ими были, как правило, «почитаемые старики»²⁵, то теперь в этом качестве выступают старые женщины — знахарки и молеельщицы у «каменных могил» или «священных деревьев». Эти молеельщицы, как говорилось, должны иметь в роду убитого молнией; нередко они — старшие в данном роде. Некоторые из них являются как бы полупрофессиональными священнослужительницами, хорошо известными в своем районе и даже за его пределами. Такой священнослужительницей была молеельщица на могиле Шаумея, умершая в 1960 г. жительница сел. Киров Гучехан Чачух. К ней обращались за помощью верующие из всех селений причерноморских адыгейцев. Она не только молилась о ниспослании дождя, исцелении от болезней и пр., но и занималась прорицаниями, так как считалось, что после какой-то перенесенной ею болезни («долго лежала без сознания») она стала «ясновидящей»²⁶.

Что касается самих обрядов, культовых атрибутов и т. п., то их не держат в тайне, но в то же время стараются укрыть в тени, подальше от посторонних взоров, в том числе и взоров передовой общественности селения. Там, где еще сохраняются колья с конскими черепами, они обычно стоят где-нибудь за домом, на задворках. В некоторых селениях старые, стоящие на виду тхэчэги (тюльпановое дерево в Головинке, белолистка в Большом Кичмае) в последнее время перестали быть объектом поклонения, перенесенного на деревья, расположенные

²² См. И. Цей, Чапш, «Революция и горец», 1929, № 4; Е. М. Шиллинг, Указ. раб., стр. 49, сл.; Н. Жардецкая, Указ. раб., стр. 59, сл.

²³ АИЭ, лл. 1, 16, 24, 39, 49.

²⁴ Там же, 37, 47, 48, 50.

²⁵ И. Гурвич, Указ. раб., стр. 45.

²⁶ АИЭ, лл. 16, 17, 37.

за околлицей, в заросшей горной щели. Вероятно с этим стремлением избежать публичности связано и то, что при вызывании дождя теперь верующие чаще прибегают к молениям у тхэчэгов и мыжуахгов, нежели к более всего распространенным в прошлом шествиям с хан-цегуаш.

Чем объясняется такая живучесть у причерноморских адыгейцев пережитков доисламских верований и обрядов, ощущающихся сейчас значительно сильнее, нежели пережитки ислама? В известной степени, как уже отмечалось, сравнительной глубиной их исторических корней. И все же дело не только в этом, но и в односторонности антирелигиозной пропаганды, проводимой среди данной группы адыгейцев.

Так как «официально» верующие адыгейцы Туапсинского и Лазаревского районов исповедуют ислам, вся проводимая здесь работа по развитию атеистического мировоззрения направлена на преодоление исламских верований. Пережитки древних адыгейских культов рассматриваются местными культурно-просветительными организациями как малозначительные, не требующие особого внимания «бытовые суеверия». Такое направление антирелигиозной работы было бы, пожалуй, оправдано во многих районах Адыгейской автономной области, где ислам в свое время получил широкое распространение, а доисламские культы в значительной степени стерлись. Что же касается причерноморских адыгейцев, то у них дело обстоит как раз наоборот. Следовательно, ведущаяся среди них антирелигиозная пропаганда должна быть перестроена, расширена, приспособлена к специфике местных условий.

SUMMARY

In the years 1940—1950, the Adyghe people of the Black Sea area largely overcame the carry-overs of Islamic belief. Yet survivals of pre-Islamic cults persist in individual villages — such as elements of healing magic, etc. The author advocated extensive propaganda of scientific atheism, which should be adapted to local conditions.